

*Тайники
души*

*Читайте книги
Ирины Степановской*

ЖЕНИСЬ НА МНЕ

НА СКАМЕЙКЕ
ВОЗЛЕ НОТР-ДАМ

*Ирина
Степановская*

Женись на мне

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 11

Художественное оформление серии *С. Власова*

Степановская И.
С 11 Женись на мне : рассказы / Ирина Степановская. — М. :
Эксмо, 2013. — 352 с. — (Тайники души. Проза Ирины Сте-
пановской).

ISBN 978-5-699-61895-8

Не всякая девушка способна, взглянув в глаза любимому, сказать:
«Женись на мне!» Героини рассказов Ирины Степановской необыкновенно
искренни в своих чувствах. Они не желают притворяться и гото-
вы выдержать любое испытание. Но, что гораздо важнее, искренен
сам автор — от первого и до последнего слова.

**УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-699-61895-8

© Степановская И., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

«Красная стрела» стояла в сиреневых майских сумерках на крытом перроне Московского вокзала, фигурально выражаясь, «на всех парах». Проводницы в аккуратных костюмчиках заканчивали проверять билеты у запоздалых пассажиров и уже готовились войти в вагоны и встать в дверях, развернув желтые флажки. «В Москву, в Москву!» — дрожал от нетерпения блестящими боками огромный состав, и Петербург с его туманными набережными и Адмиралтейской иглой уже готовился отойти в прошлое.

— Лида, у нас кто сегодня? Опять Боярский? — спросила у проводницы, проверяющей билеты в вагоне СВ, ее напарница.

— Нет. Боярского что-то нет. Зверева едет. — На молодом еще лице блондинки с кудряшками, в форменной пилотке с эмблемой крылышек в колесе не отразилось ничего, кроме равнодушия.

— Елена Зверева? Одна? Или с мужем? — зашла от любопытства молоденькая напарница-проводница. — Такая же красивая, как на фотографии? А одета как? Я ее живьем никогда не видала!

— Да почему я знаю, я и не разглядывала. Билет предъявил провожающий. Она прошла. Он занес в вагон вещи да вышел. Вот и все.

Поезд тронулся так плавно, что только по начавшим удаляться старинным фонарям можно было заметить медленное движение. Редкие провожающие потянулись в обратную сторону. Вскоре вокзал остался позади, проводницы подняли подножки, закрыли двери и пошли по своим делам. Пассажиры разошлись по купе, за окнами быстро стемнело, поезд выбрался из города и резво покатился по бескрайней равнине, а где-то далеко на севере, за Петербургом, разливалась молоком белая ночь. Елена Зверева, известная артистка, повесила на плечики светлое пальто, отделанное прелестным легким мехом, небрежно бросила на столик женский журнал, на первой странице обложки которого красовалась она сама в вечернем платье, и приготовила билет для проверки.

«Куда же мне деть цветы? — задумалась она, рассеянно глядя на большой букет кремовых роз в розовой гофрированной упаковке. — До завтра в вагоне не доживут. Надо было после спектакля передарить их этой старой актрисе, пенсионерке. Ей было бы приятно, а мне все равно. В следующий раз так и сделаю, а сейчас надо попросить проводницу поставить их в вазу». В ожидании она устало откинулась на спинку дивана и, рассеянно перелистывая страницы журнала, нашла в нем собственное интервью. «Как научиться любить себя» — так назывался раздел журнала, в котором оно было напечатано.

«Я считаю нужным себя беречь...» — прочитала она первую строчку и подумала: «Написано правильно, но получилось как-то уж очень прямолинейно...»

Дверь открылась, вошла проводница за билетом.

— Чаю желаете? — спросила она, не глядя на Звереву, присела и стала вкладывать протянутый ей билет в специальный карман служебной матерчатой сумочки. Что-то в наклоне ее головы, в россыпи белокурых кудрей под пилоткой показалось Елене знакомым.

«Откуда я могу знать эту проводницу? Ерунда какая-то!» — подумала Зверева и сказала:

— Чаю я не хочу. А вот не принесете ли вы мне какой-нибудь сосуд для букета? — И отработанным театральным жестом светской красавицы она показала на розы. Проводница оценила на глаз толщину букета и со словами «Сейчас посмотрю» вышла из купе. И снова Зверевой показалось, что она ее уже где-то видела. «Ну подумаешь, может быть, ехала сюда с ней же», — решила она и, выкинув проводницу из головы, стала вспоминать прошедший спектакль и то, как она забыла произнести какую-то незначительную фразу, но этого, к счастью, никто не заметил. Правда, ее партнер посмотрел на нее пристально, но ничего не сказал. Не стал, наверное, связываться, а то она могла бы пожаловаться мужу.

«Скорей бы уж она принесла какой-нибудь горшок! Снять бы макияж да в постель. Уж очень устала!» Елена стала расставлять на столике баночки с косметикой. Куда бы она ни ехала, где бы ни находилась, забота о лице была у нее делом первой необходимости.

Все-таки лучше французских кремов еще никто ничего не придумал! Елена заботливо осмотрела содержимое баночки. «Алексей в июне поедет в Париж, надо составить ему список, а то до осени не хватит», — мелькнула мысль. Тут же ее мысленному взору предстала плешивая голова, глубокие складки на лбу, хитрые глазки в сетке мелких морщин, тонкий рот, растянутый в обаятельной на первый взгляд, а на самом деле хищной улыбке, открывающей миру два ряда белоснежных искусственных зубов — современное чудо стоматологического искусства. Это был Алексей Александрович, ее муж, ее педагог, ее продюсер, ее режиссер. Впрочем, режиссер он был не только ее. Приходилось держать ухо востро, чтобы какая-нибудь еще более молоденькая и хорошенькая актрисочка не перебежала Елене дорогу. Алексей Александрович хоть и был старше ее на тридцать лет, но молоденькими актрисочками до сих пор не гнушался. А поскольку он любил показывать сам, что именно и как надо делать на сцене, то его мягкие, белые, но все еще цепкие и сильные руки частенько прохаживались по их молодым телам. Елена, как женщина умная, глаза на эти шалости закрывала. К тому же Алексей Александрович был тоже очень умен, молодую свою жену ценил и некие грани приличия переходить себе не позволял. И очень любил их сына, Алексея-младшего, как его все называли. Алеше пока было всего одиннадцать, но вот уже скоро год, как он пребывал с доверенным членом их семьи в Англии.

— Как ни скучаю я об Алеше, но хочу, чтобы он с малолетства усвоил все привычки цивилизованного человека, — говорил Алексей Александрович. — Что поделать, у меня спектакли, у жены спектакли... Чем он здесь будет без ро-

дителей с теткой болтаться, пусть лучше привыкает жить за границей да язык учит. Черт его знает, чем все может кончиться в этой стране, — бархатным, хорошо поставленным голосом говорил он гостям, фривольно покачиваясь на подлокотнике кресла, в котором сидела жена. А Елена смотрела сбоку на его очень круглый живот, на его двойной подбородок и думала: ну и что же, что он уже в возрасте? Зато он умен, зато всегда ласков с ней, зато он дает ей роли и дарит драгоценности, наконец. Не говоря уже о продюсировании. А его жизненному опыту может позавидовать любой мужчина. А ее задача не допустить конкуренции. Что ж, такова судьба театральных жен... От Чехова до Мейерхольда, и далее везде...

Проводница все не шла. Елена слышала, как она вернулась с билетами в свое купе, потом стала разносить чай. Ну и бог с ней, с этой проводницей, да и с букетом. Не последний букет в ее жизни. Тонкие пальцы Елены привычно выдавливали содержимое из тюбиков, легко и бережно вбивали мягкий крем в кожу. Елена почувствовала, что голодна. Что ж, баночка йогурта и ржаной хлебец были наготове в специальном мешочке. На столе стояла бутылка минеральной воды «Эвиан». Елена чуть прикусила хлебец и запила водой. С годами она приучила себя есть медленно, тщательно пережевывая любой продукт. «Через пятнадцать минут после первого укуса, — так говорил ее врач-диетолог, — начинается процесс пищеварения, и аппетит тогда ослабевает. Главное — не слопать все, что есть на столе, сразу. А то непременно захочется добавки». Рассеянный взгляд Елены упал на строчку в журнале.

«Я люблю себя, — прочитала она в своем интервью, — и поэтому мне кажется теперь вкусной самая простая и полезная пища. Та пища, которую я ни за что не стала бы есть раньше, в детстве, когда мама с уговорами запихивала в меня ложку за ложкой овсяную кашу».

Да уж, в молодости такое не съешь, усмехнулась Елена. В восемнадцать лет хочется колбасы, мяса, сарделек. И самое главное, не откладываются эти сардельки ни на талии, ни на бедрах. Не то что теперь, когда тебе уже за тридцать. Она вздохнула и критично посмотрела на свою фотографию в журнале как бы со стороны. Нет, придраться не к чему. Хороша! Лицо, грудь и плечи в декольтированном платье выше всяких похвал! Недаром статья называется «Я у себя одна!». Елена опять усмехнулась.

А было время!.. Как они с Лидкой, тогдашней подружкой, соседкой по парте, будучи десятиклассницами, первый раз поехали без родителей на зимние каникулы в Петербург. Как они хохотали тогда до упаду на полках в плацкартном вагоне оттого, что ночью вдруг ни с того ни с сего на станции Бологое обе проснулись, сдуру вышли на ночной зимний перрон проветриться и, промерзнув в пурге на зимнем ветру, зверски проголодались! И, не обращая внимания на недовольные вздохи толстой тетеньки на соседней полке, шурша газетами, разворачивали бутерброды и лупили скорлупу с вареных яиц. И заливались беззвучным хохотом, даваясь и толкая от щенячьего восторга друг друга, запихивали в жадные молодые рты эту, по нынешним понятиям, очень вредную еду. И зачинщицей этого безобразия была, конечно, Лидка. Она, Леночка Зверева, всегда была более спокойной, более сосредоточенной. А Лидка была сорвиго-

лова. Где теперь носит ее белокурую голову? Она же и была зачинщицей той поездки зимой в Ленинград. У Лидки в этом городе жила какая-то престарелая родственница, как Лидка говорила, настоящая Пиковая дама. Да... После того обжорства в вагоне они еще долго болтали, не могли уснуть.

— Ой, у меня что-то в ухе стрельнуло! — запищала под конец тогда Лидка.

— Так зачем же мы с тобой, как две идиотки, без шапок стояли на станции на платформе? — Точно. Так она Лидке тогда и сказала. «Как две идиотки!» А Лидка ей ответила соответственно. Лидка тогда сказала, вспомнила Елена дословно:

— Я хотела посмотреть, не едет ли в соседнем вагоне граф Вронский!

Граф Вронский! Подумать только! Господи, конечно, две идиотки! Откуда они теперь, Вронские! В лучшем случае выйдут покурить какие-нибудь запоздалые пьянчуги из вагона-ресторана. А то и вовсе бог знает кто.

Елена с сожалением посмотрела на букет. Головки у роз уже чуть примялись. Она вздохнула. «А Лидкина родственница точно была Пиковая дама, — вспомнила она почему-то. — Такая же старая, едкая и скрипучая».

Елена аккуратно соскребла со стенок баночки йогурт, доела хлебец и вдруг мысленно ахнула. Да ведь это же Лидка! Проводница, которая проверяла билеты и у которой она попросила вазу для цветов, не кто иная, как Лидка! Конечно! Вот кого напомнили ей этот характерный поворот головы и светлые кудряшки под пилоткой! Это точно она! А что же, разве Лидка ее не узнала? Почему же не поздоровалась, ни о чем не спросила? Постеснялась, наверное...

Елена решительно встала, взялась за ручку двери. «Нет, я пойду сама, я спрошу у нее, неужели я так изменилась, что она не хочет меня знать?» Она потянула дверь и вышла в коридор. Ночной сквозняк веселился в проходе, холодил воздух, вздувал занавески. Было пусто, стучали колеса. Верхний свет был притушен, в вагоне царил полумрак.

«Что же, я так и зайду? Спрошу: отчего ты меня не узнала? А может, Лидка уже легла спать? Нет, это глупо! — решила Елена. — Я лучше сначала просто пройду мимо, посмотрю, что она делает!»

Елена схватилась за поручень и направилась в начало вагона. Дверь купе проводников была приоткрыта, две проводницы, Лида и та, другая, ее напарница, сидели за столом и мирно ужинали. «Колбаса с хлебом и чай, — заметила Лена. — Нехорошо отвлекать. Пусть поедят». Она сделала вид, что отправилась помыть руки.

— Ну, Ванька твой что, учится? — расспрашивала за столом Лиду вторая проводница. — Нравится ему?

— Нравится-то нравится... — отвечала та с такой сердечной, такой мягкой улыбкой, что сразу было ясно — речь могла идти только о Лидкином сыне. — Да глупый еще. Вот приехала утром — смотрю, хромает. Что такое? А он опять портянками ноги в кровь стер. Пятнадцать лет парню, а все никак не научится правильно портянки наматывать! Дома-то все в кроссовках!

— А трудно в Нахимовское училище поступить? — допытывалась соседка. — Может, и моего туда?

— Да что ты, — снисходительно и со скрытой гордостью ответила Лида. — Это его моя тетка устроила, Пиковая дама. Ей уж скоро сто лет будет, она родилась еще при царе,

связи у нее старые были, вот она и помогла. А просто так туда поступить невозможно! Я в Питере сначала иду к Ваньке, а потом сразу к ней — полы помыть, за продуктами сходить. Особенно зимой, чтобы она не упала. А то упадет еще, ногу сломает...

— Ой, смотри! — громко зашептала ей соседка и головой замотала на дверь. — Это же Зверева прошла!

— Слушай, я совсем позабыла, — поднесла Лида руку ко лбу, — отнеси ей этот вазон для цветов! Она просила.

Напарница цепко схватила пластмассовый сосуд, стилизованный под греческую вазу, и умчалась в коридор. Через минуту она вернулась с вытаращенными глазами.

— Какой костюм у нее, Лида! Какая сумочка, и сама... какая она красавица! Лицо массирует, когда я пришла! Вежливая, спасибо мне сказала!

— Да, дай бог тетке здоровья, — продолжала Лида о своем и отрезала себе еще кусок колбасы, положила на хлеб. — Ванечка-то сам захотел в Нахимовское. У нас в Москве ему ничего не поймать. Ему и заниматься-то, по большому счету, негде было. В нашей хрущевской двушке нас и так полон дом. Муж постоянно дома, да мама, да дочка-со-рвиголова подрастает. Но ничего, бывает и хуже!

— А ты говорила, — оторвала наконец взгляд от двери и стала прихлебывать чай из стакана соседка, — у вас раньше квартира была хорошая на Котельнической набережной.

— Да, была. При папе, — подтвердила Лида. — Папа занимал хорошую должность. А когда заболел, мы квартиру продали, искали деньги на операцию. Но папа все равно умер, а потом муж на машине разбился. Еще две операции на позвоночнике. И мы еще раз тогда поменялись. Теперь

уже на хрущевку. Но я не жалею. У него теперь хотя бы руки работают, и он по дому в коляске ездит. Мастерит помаленьку. То полочку сделает, то табуретку починит. А заказов у него никаких нет, теперь в «Икее» можно купить все, что хочешь. Он все мечтает компьютер освоить, да ведь его еще сначала надо купить. До травмы-то он профессиональным спортсменом был. Специальность у него — тренер по баскетболу. Но ничего! Главное, что он не пьет! А живем помаленьку, — улыбнулась Лида и придвинула соседке еще один бутерброд. — Ты не стесняйся, ешь! Ешь! Ночью знаешь как хочется есть! Я без этого уснуть не могу! Особенно если до Бологого не поем, все! Считай, ночь насмарку!

— Ох уж это Бологое! — вздохнула напарница. — Если бы не оно, так до самой Твери бы без остановок! Можно хоть выспаться!

— Ну что ты! — улыбнулась ей Лидка, и туго закрученные ее кудряшки, казалось, сами собой встрепенились и зазвенели. — Я, когда выхожу в Бологом, всегда смотрю, не идет ли по платформе некто мужского рода в высокой фуражке, в старинном плаще с пелериной, не заглядывает ли в окна.

— Это что, призрак? — испуганно приоткрыла рот ее собеседница.

— Сама ты призрак! — засмеялась Лидка. — Граф Вронский!

— А кто это?

— Ой, как не стыдно! Ты «Анну Каренину» не читала? — удивилась Лидка.

— Когда читать-то? — обиженно поджала губы напарница. — В училище не проходили, а дома отчим пьяный ругается. Не больно и почитаешь...

— Ну ладно тебе. Я понимаю! — И Лидка ласково погладила ее по руке. — Я, когда школьницей была, все время мечтала: вот бы его встретить!

— Кого?

— Вронского.

— Ну и встретила?

— А как же! — Тугие Лидкины кудряшки опять горделиво звякнули, и все ее лицо озарилось чудесной улыбкой. — Как раз однажды в Бологом и встретила. Я уже студенткой второго курса была. Летом после каникул домой возвращалась. Как раз в Петербурге у тетки и гостила. А он из вагона-ресторана вышел свежим воздухом подышать. Они с командой там очередную победу отмечали. Через два месяца поженились. С тех пор с ним и живем.

Елена Зверева в раздумье смотрела на себя в зеркало. «Нет, не пойду! — решила она. — Войду, что скажу? Здравствуй, Лида, как поживаешь? Неудобно расспрашивать. Почему она работает проводницей? Образование у нее было филологическое, кажется. Правда, она замуж рано вышла и исчезла из виду. Но зачем-то она ко мне один раз приходила. Вот только никак не припомню зачем. Ах да, она просила денег. Кто-то у нее заболел. Нужна была операция. А мне как раз нужна была новая шуба. Мы тогда только начали встречаться с Алексеем Александровичем, и я должна была закрепить его интерес ко мне. Я была такая хорошенькая! А вот надеть мне было нечего совершенно. Да, шуба была просто необходима. А у Лидки квартира была превосход-